

Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия

БЕЛИНСКАЯ Е.П., ВОЗНЕСЕНСКАЯ В.С. ПРОБЛЕМА РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТЕОРИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И РЕАЛЬНОСТЬ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

English version: [Belinskaya E.P., Voznesenskaya V.S. The problem of regulation of social behavior in theories of the information society and the reality of network cooperation](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируются закономерности социального поведения людей в условиях становления информационного общества. Рассматривается природа новых моделей социального поведения – изменение их регуляторов в связи с переносом в виртуальное пространство и ростом информационных потоков; проводится сравнительный анализ различных аспектов социального поведения в теориях сетевого общества; выделяются возможные направления эмпирического социально-психологического исследования роли социальных норм и ценностей в реализации субъектом различных видов деятельности в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: социальное поведение, нормативная регуляция, социальные нормы, информационная социализация, теории информационного общества, сетевое общество

Сетевое общество как пространство современной социализации

На сегодняшний день уже общепризнанным становится тот факт, что феноменологии виртуального и реального мира нельзя представить себе как отдельные, пусть и взаимосвязанные, сущности. Благодаря повсеместному проникновению информационно-коммуникационных технологий практически во все сферы жизнедеятельности современный человек живет и действует не просто в сложно организованной и информационно крайне насыщенной среде, а существует фактически в новой реальности. В ней не только возникли принципиально новые виды деятельности, существенно модифицировались социальные нормы и ценности, сформировались дополнительные (как компенсаторные, так и комплементарные) возможности личностного развития – от новых оснований самокатегоризации и проигрывания новых социальных ролей до новых вариантов манифестации психологических защит и форм девиантного поведения. Эта не так давно возникающая реальность информационно нагруженных и множественных коммуникаций все более и более меняет сами принципы социальной организации. Во многом поэтому решающее значение новых информационно-коммуникационных технологий в инновационном развитии ключевых сфер

жизнедеятельности общества (государственном и муниципальном управлении, бизнесе, образовании, здравоохранении, культуре, обеспечении безопасности и т.д.) отчетливо рефлексируется на уровне властных и политических структур. Так, при всех актуальных сложностях включения России в глобальное информационное пространство и попытках на законодательном уровне ограничить и контролировать этот процесс существующая Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации и государственная программа «Информационное общество» (принятая на период 2011–2020 гг.) констатирует максимальные выгоды именно от реализации возможностей, предоставляемых развитием и использованием ИКТ [Стратегия развития..., 2008].

Заметим, что повседневное «слияние» и «взаимопереходы» реального и виртуального бытия современного человека, по сути, лучше каких бы то ни было иных доказательств демонстрируют факт существования той новой социальной реальности, которая в теоретических работах конца XX – начала XXI века обозначалась как «сетевое общество». В определенной степени возникновение реалий сетевого общества связывалось и нередко продолжает связываться с чисто технологическими изменениями. Появление и бурное распространение интернет-коммуникации стало в полном смысле переломным моментом, поскольку создана была не просто новая сеть – возникла «сеть сетей», которая в своем развитии обрела новое качество: будучи первоначально сетью связанных друг с другом гипертекстовых документов и данных, Интернет в дальнейшем превратился в систему, облегчающую и даже иницирующую социальное сетевое структурирование [Hall, 2011]. И сегодня, как отмечает М.Кастельс в обновленном предисловии к своей известной трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», собственно и положившей начало теории сетевого общества, сетевые сообщества распространяются не только как виртуальная реальность. Они выступают как конституирующая характеристика современной финансовой, трудовой, общественно-политической деятельности, как атрибут информационного обмена и влияния, как способ существования мира в целом в эпоху глобализации и мультикультурализма [Castells, 2009].

Иными словами, хотя современные информационные технологии составляют исходный технологический «субстрат» сетевого общества, дело не только в них: социальная структура информационного века может существовать единственно в виде «сетей производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство» [Кастельс, 2000, с. 505]. Они постепенно вытесняют все предшествующие социальные формы (прежде всего – иерархически организованные) в силу своей уникальной способности: допускать инновации без утраты баланса. Но, подчеркнем, именно допускать, а не гарантировать – и потому анализ той или иной конкретной социальной морфологии через степень ее соответствия сетевому принципу в равной степени может служить ключом к пониманию как стабильности, так и кризиса в современном процессе социальных изменений [Гидденс, 2004; Князева, 2006; Уэбстер, 2004].

Неудивительно, что в настоящий момент научная рефлексия гуманитарных следствий все большего доминирования сетевого принципа социальной организации характерна для самых разных областей знания: к лидирующим еще двадцать лет назад социологам все более и более присоединяются философы, экономисты, культурологи, психологи. Для последних анализ «человеческих» реалий сетевого общества во многом концентрируется в изучении трансформаций процесса развития человека «цифровой эпохи» – как с точки зрения исследования динамики его личностных особенностей и психических функций [Войскунский, 2010а; Белинская, 2013а; Рассказова и др., 2015], так и с точки зрения особенностей его социализации [Марцинковская, 2012]. Заметим, что в настоящий момент второе направление не только породило новый термин – «информационная социализация», но и гораздо более, нежели первое, становится представленным на уровне конкретных эмпирических исследований (из последних работ см., например, [Аянян, Марцинковская, 2016; Свешникова, 2016; Сибирко, Винокуров, 2016]). Почему?

Представляется, что тому превалирующему интересу к анализу реалий социализации человека

информационной эпохи, который сегодня характеризует психологическое «измерение» исследований сетевого общества, есть свои объяснения. Основным из них является тот факт, что сетевой принцип социального функционирования бросает определенный вызов традиционным представлениям психологии о закономерностях социального развития субъекта.

Напомним, что общепринятое понимание процесса социализации как определенного баланса усвоения и воспроизводства человеком существующего социального опыта (последний понимается при этом максимально широко – от социальных ценностей и норм, ролевых моделей социального поведения до параметров социальной категоризации и самокатегоризации) предполагает одновременное сочетание выработки индивидом конформных установок по отношению к социальным требованиям и сохранение собственной активности, субъектности, критичности. Именно это сочетание полагается необходимым «атрибутом» социального взросления субъекта: ведь на его основе строятся все необходимые адаптационные способности – умение четко рефлексировать границы «Я – Другой», построение системы персональных ценностей через критическое осмысление социальных ценностно-нормативных предписаний, формирование личных антиципационных возможностей (готовности к адекватному восприятию новых социальных требований, гибкости в формировании собственного жизненного плана и т.п.). Социальным пространством, в котором человек непосредственно формирует и реализует эти способности в тех или иных видах деятельности, традиционно мыслится малая группа, которая и выступает одновременно как проводником макросоциальных влияний на личность, так и тем «социальным полем», на котором эти влияния трансформируются в ходе межличностного взаимодействия.

Однако реальность сетевого общества фактически «ломает» баланс усвоения / воспроизводства социального опыта в процессе социализации: постоянно меняющаяся конфигурация сетевых взаимодействий и сообществ, уменьшение количества четких социо-ролевых предписаний в неиерархизированных социальных структурах, множественная, асинхронная и практически внеконтекстуальная сетевая коммуникация как никогда ранее актуализируют для субъекта поиск собственного, индивидуального жизненного пути, повышают необходимость личностного самоопределения и формирования «границ Я» в социальном пространстве, неуклонно теряющем свою определенность. Это заставляет исследователей менять теоретико-методологические рамки изучения социализационных закономерностей. Как справедливо отмечает Е.М.Дубовская, сегодня акцент все более переносится с анализа усваиваемого субъектом социального опыта на способы добывания им информационного содержания, что отражает формирование новой теоретической парадигмы современной социализации – парадигмы индивидуального пути развития. При таком подходе закономерно трансформируется понятие социальной нормы и, как следствие, затрудняется построение представлений о социализации как нормативном процессе [Дубовская, 2014]. Иными словами, множественность ценностно-нормативных систем и соответствующих им паттернов социального поведения ставит как минимум два вопроса: во-первых, вопрос о современных модификациях традиционных регуляторов социального поведения, а во-вторых – вопрос о том, что придает итоговую целостность поступкам субъекта.

Отметим сразу же, что попытки ответов на второй вопрос лежат все-таки за рамками заявленной темы, и потому сосредоточимся далее на проблеме регуляторов социального поведения в информационном пространстве. Интересна определенная двойственность современных исследовательских позиций по этому вопросу. С одной стороны, изучение общих закономерностей социального поведения и взаимодействия в виртуальных социальных сетях все более и более становится приоритетным направлением исследований в психологии интернета [Войскунский, 2013], что невозможно без анализа регуляторов этого поведения и взаимодействия. С другой стороны, конкретных эмпирических работ именно по последнему аспекту проблематики явно недостаточно: исследователи сосредотачиваются преимущественно на изучении особенностей субъектов виртуальной коммуникации (возрастных, гендерных, территориальных и т.п.); на характеристиках самой коммуникации в социальных сетях (как содержательных – например, преобладающей тематике, так и чисто технологических – предпочтениях использования тех или иных мобильных устройств); а также на ее потенциальных рисках и личностных следствиях (от

фактов все большего распространения кибербуллинга до расширенных возможностей индивидуального творчества). Поэтому представляет интерес обратиться к исходным теоретическим позициям.

Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества

Прежде всего, представляется необходимым отметить, что в известных теоретических моделях информационного (а впоследствии – сетевого) общества теме возможных модификаций регуляторов социального поведения непосредственно уделено внимания в гораздо меньшей степени, нежели самим трансформациям социального пространства и тем возможностям и/или ограничениям, которые они предоставляют для человека. Но при этом возможная динамика ценностей, норм и ролей в грядущем информационном мире выступает как некоторая *frame of reference* для определения его гуманитарной сущности.

Возможно, «неявная» представленность данной проблемы связана с тем, что исходно, на заре развития кибернетики, аксиологические следствия информатизации рефлексировались вполне отчетливо. Так, еще более полувека назад Н.Винер, отмечая принципиальную вероятность информационного бытия человека, подчеркивал, что неизбежная «хаотичность морали» в этом случае заставляет субъекта мыслить себя как единственный источник противостояния возрастающей и всеобъемлющей (в том числе – ценностной) энтропии: «В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы» [Винер, 1958, с. 52]. Подобная борьба «хаоса и порядка» понимается Н.Винером сугубо рационалистически – как результат способности человека к познанию и, следовательно, к критическому отбору информации. «Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией», но в этом процессе, при всей его рациональности, присутствует и экзистенциальная обреченность: «Нам важна лишь битва за знание, а не победа. За каждой победой, то есть за всем, что достигает апогея своего, сразу же наступают сумерки богов, в которых само понятие победы растворяется в тот самый момент, когда она будет достигнута» [Там же. С. 31].

По сути, к этим же ценностным «сумеркам богов» лишь чуть позже апеллировал и С.Лем, рассуждая о прогрессивных технологиях, рационализирующих человеческую повседневность. Будучи функционально направлены на облегчение жизнедеятельности человека, они одновременно неминуемо лишают его необходимости преодолевать социо-культурно заданную систему препятствий, способы преодоления которых во многом определяют характеристики самой этой жизнедеятельности. В итоге «невыносимая легкость бытия» может обернуться, с точки зрения ученого, не только уничтожением определенных мотивов поведения, но и необратимой «атрофией ценностей, составляющих остов человеческого поведения» [Лем, 1968, с. 507]. Тем самым грядущий мир информационных технологий опасен именно с точки зрения потенциального исчезновения в нем одного из важнейших регуляторов социального поведения. «Технология более агрессивна, чем мы полагаем. Ее вторжение в психику, в проблемы, связанные с личностью, лишь в настоящее время относятся к пустому множеству явлений. Это множество заполнит дальнейший прогресс. И тогда исчезнет масса моральных императивов, рассматриваемых сегодня как нерушимые», – заключает С.Лем, считая будущий аксиологический коллапс неизбежным [Там же. С. 55].

Наступившая реальность информационного мира – с его открывающимися воистину головокружительными возможностями трансформации социального и индивидуального бытия – в определенной степени снизила внимание исследователей к этой проблеме. В работах 70–80-х гг. XX века, прежде всего – Д.Белла, Э.Тоффлера, Э.Гидденса, аксиологическая проблематика присутствует не столь определенно; она, скорее, представлена с точки зрения анализа тех объективных условий, которые создают основания для трансформации норм и ценностей как

регуляторов социального поведения.

Так, с точки зрения Д.Белла, социальные рамки информационного общества формируют «интеллектуальные технологии», позволяющие выявлять определенные закономерности из больших множеств, получать оптимальные решения из различных альтернатив и определять рациональные моменты в условиях неопределенности [Белл, 2004]. Но «интеллектуальные технологии» неотделимы не только от своего носителя (компьютерных систем), но и от того, кто своим целеполаганием задает вектор их применения (человека). Рассматривая последнего исключительно с точки зрения социологических и экономических моделей, Д.Белл закономерно приходит к выводу о том, что самыми важными вопросами информационного общества являются вопросы права и политики: раз информация становится реальной властью, а доступ к ней – основным условием групповой и индивидуальной свободы, то решение проблемы заключается в том, кто (какие социальные субъекты) контролирует информационные потоки. Тем самым вопрос о возможных трансформациях социальных регуляторов поведения в информационном мире заменяется либо вопросом о произвольности действий интеллектуальных элит (для меньшинства, имеющего доступ к информационным кодам), либо не ставится вовсе (для большинства, такового доступа не имеющего).

Для Э.Гидденса возможные трудности регуляции социального поведения человека информационной эпохи связаны, прежде всего, с количественным увеличением социальных акторов и групп в виртуальном пространстве. Участники виртуальной коммуникации оказываются уже не столько включены в систему социальных ролей, предписанную им извне – со стороны традиционных социальных отношений, сколько сами, в процессе межличностной интернет-коммуникации, постоянно создают и воссоздают социо-ролевые нормы и образцы взаимодействия. Это ведет, с точки зрения исследователя, к неминуемому переизбытку моделей ролевого поведения, что в итоге не только затрудняет человеку какой-либо выбор из них, но и служит основанием для ценностной дезориентировки. Тем самым в этом переизбытке, своего рода *embarras de richesse*, оказываются заложены не только новые безграничные возможности для социо-ролевого самоопределения, но и основания современной аномии.

К множественности и разнообразию социальных структур как фактору, определяющему динамику регуляторов социального поведения, Э.Тоффлер добавляет такой объективный параметр высокотехнологического мира, как ускорение, нарастание темпа и ритма социальной жизни. Скорость актуальных социальных изменений затрагивает все стороны деятельности человека, в результате чего «внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее» [Тоффлер, 2002, с. 45], погружая человека в череду быстро меняющихся ситуаций. В этом мире все более и более убыстряющегося времени человек фактически лишается традиционных социальных ресурсов ценностного самоопределения: «для того, чтобы выжить, он должен искать абсолютно новые способы бросить якорь, ибо все старые корни – религия, этническая общность, семья или профессия – уже шатаются под ураганным натиском силы перемен» [Там же. С. 48]. Постоянные изменения социального пространства неизбежно ведут, с точки зрения Э.Тоффлера, к его фрагментации: умножению и несогласованному существованию социальных сообществ, что не только повышает многообразие социальных ценностей, но и увеличивает их внутреннюю противоречивость.

В итоге в процессе формирования своей персональной системы ценностей человек сталкивается с небывалыми ранее трудностями выбора, своего рода «гнетом сверхвыбора» [Там же. С. 342], что приводит к различным компенсаторным вариантам социального поведения в мире постоянных перемен. Они могут быть разделены на две группы: те, которые основываются на определенных когнитивных усилиях субъекта, и те, в основе которых лежит актуализация уже усвоенных поведенческих моделей. К первым Тоффлер относит такие стратегии обработки информации субъектом, как полное или частичное ее отрицание (блокировку), а ко вторым – возврат к ранее успешным шаблонам социального поведения или же его свехупрощение, стереотипизацию. Подчеркнем, что оба варианта являются осознанными способами совладания с трудностями

множественного выбора, а потому грядущую гуманитарную опасность мира новых технологий Тоффлер видит в усиливающемся тяготении большинства к поиску простого и единственного решения в отношении любой проблемы. И потому «нарастающая интеллектуальная придурковатость угрожает опередить темп изменений» [Там же. С. 364].

Рубеж XX и XXI веков оказался отмечен определенным методологическим сдвигом в проблематике информационного общества. Если предыдущие исследования носили преимущественно констатирующий характер, причем затрагивали какие-либо отдельные аспекты проблематики, то на смену им приходит комплексное и более аналитически окрашенное ее рассмотрение. И прежде всего это выражено в известной трилогии М.Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [Кастельс, 2000], впервые перешедшего к изучению реалий именно сетевого общества. С точки зрения Кастельса, новые сетевые сообщества обладают собственной культурой, имеющей свой язык, свои статусы и нормы. «Паттерн сети» кардинально меняет взгляд на принципы организации и устройства социальной системы, которая ранее представляла исследователям как иерархически вертикально организованная, построенная по принципу «слоев» с институциональным специфическим порядком, условием сохранения которого было поддержание границ между уровнями и «ячейками» в них. Сеть обрушивает эту вертикаль и иерархию, делая проницаемыми социальные позиции. В результате сами индивиды постоянно перестраивают структуры своего общения, организуя свое сетевое взаимодействие на основе часто меняющихся личных интересов, ценностей и свойств, превращая его в максимально персонифицированное пространство.

Подобные изменения формы и содержания социальных взаимодействий актуализируют у субъекта собственное конструирование смыслов, что снижает уровень его доверия к традиционным социальным институтам и агентам социального влияния. В итоге информация, организованная как индивидуальный ресурс, то есть выполняющая функцию индивидуального средства достижения цели, заставляет человека ориентироваться не на Другого, а на им самим созданный нормативный порядок, снижая роль социальных ценностей в регуляции социального поведения [Кастельс, 2000]. Но за счет чего становится возможным это постоянное производство и воспроизводство личностных смыслов?

Источник подобной динамики М.Кастельс видит в основном противоречии современной эпохи, а именно – в фундаментальном расколе между абстрактным, универсальным инструментализмом социальных структур и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями человека, во все более усиливающемся разрыве между Сетью и Я. Параллельно с процессами глобализации бизнеса, политики, масс-медиа, которые для отдельного человека предстают как неподконтрольные, возникает все большее желание «находить прибежище и строить свою жизнь на принципах идентичности» [Кастельс, 2004]: так, в виртуальной коммуникации люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, а на основе того, кем они являются, или, вернее, своих представлений о том, кем они являются. Тем самым поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится не только фундаментальным источником социальных значений в сетевом обществе, но и ведущим основанием социального поведения, замещая нормативно-ценностные его регуляторы.

Нормы, ценности и идентичность в реальности сетевого взаимодействия

Эмпирическое освоение проблемы регуляторов социального поведения человека цифровой эры началось практически одновременно с повсеместным распространением интернет-коммуникации и на сегодняшний день являет собой хоть и весьма пеструю в своей фрагментарности, но достаточно насыщенную палитру данных.

Несмотря на более чем краткую историю, отметим, прежде всего, определенную последовательность в реализации подобных исследований. Начавшись в середине 90-х гг. XX столетия с изучения деструктивных следствий виртуального общения для человека, а именно – описания феноменологии компьютерных зависимостей, являющих собой, по сути, девиантное (то есть ненормативное) социальное поведение, продолжившись на рубеже веков как выявление различных личностных особенностей активных пользователей, они сегодня, после создания технологических оснований для бума социальных сетей, все более центрируются на анализе различных аспектов сетевого взаимодействия. И подчеркнем, что результаты последних исследований отличает выраженная противоречивость.

Прежде всего, это касается особенностей нормативной регуляции интернет-коммуникации. Так, например, согласно одной точке зрения, при сетевой коммуникации люди обращают меньшее внимание на соблюдение социальных норм, что делает такое общение менее формальным, более доверительным [Boyd, Ellison, 2007]. Данная позиция базируется на впервые описанном Дж. Сулером «эффекте растормаживания» в компьютерно-опосредованной коммуникации – отсутствие индикаторов социального статуса и, следовательно, жесткой необходимости соблюдать общепринятые нормы социо-ролевого взаимодействия делает виртуальную коммуникацию «пространством свободы», позволяет ослабить психологические барьеры, блокирующие выход скрытых чувств и потребностей, что может иметь как позитивные, так и негативные следствия [Сулер, 2012].

В соответствии с другой точкой зрения, стремясь уменьшить неопределенность виртуальной коммуникации, пользователи активно выступают за соблюдение социальных норм и не только строят свою коммуникацию более нормативно, но и опираются преимущественно на свою социальную идентичность [Postmes, 2001]. При этом последняя несколько парадоксальным образом может строиться с опорой не на ценностную актуализацию той или иной групповой принадлежности, а на конструирование в виртуальности личностной идентичности. Как показывают феноменологически ориентированные исследования, мир сетей не признает мобильного Я – достоверность и ценность информации во многом определяется возможностью идентифицировать ее источник, и отмечавшаяся еще недавно анонимность виртуальной коммуникации сменяется ее все большей персонифицированностью, приводя к тому, что социальные сети оказываются платформой для восстановления стабильности идентичности [Асмолов, Асмолов, 2010].

Отметим, что в определенной степени это совпадает как с уже рассмотренными теоретическими позициями, так и с выделенными эмпирическим путем основными функциями информационно-коммуникационных технологий, среди которых выделяются не только структурирование и организация повседневных социальных взаимодействий, но также поддержание и установление (восстановление) групповой идентичности через создание опосредствованных ритуальных интеракций [Schroeder, Ling, 2014]. Интересно, что виртуально сконструированная групповая идентичность может при этом определять реальное поведение. Так, например, как показывают исследования, даже такое не сильно личностно значимое действие, как выбор того или иного конкретного средства общения из всего многообразия ИКТ, часто является не следствием индивидуальных предпочтений, а результатом коллективного виртуального решения, которое впоследствии становится групповой нормой [Сибирко, Винокуров, 2016].

Аналогичная противоречивость наблюдается и в результатах, касающихся содержательной стороны норм сетевой коммуникации. Так, нередко отмечающаяся норма взаимопомощи (преобладание кооперации, демонстрация согласия, дружелюбие и возможность повышения пользователем своего сетевого статуса за счет подобного коммуникативного поведения) сочетается с проявлениями агрессии в коммуникации. Подчеркнем, что, с нашей точки зрения, интерпретационная рамка и для первых, и для вторых результатов может быть практически одинакова – и в том и в другом случае они могут быть объяснены высокой степенью неопределенности интернет-коммуникации и, вследствие этого, неопределенностью границ «Я» любого пользователя [Белинская, 2013b].

Противоречивость характеризует и немногочисленные пока данные о возможных «взаимопереходах» норм реального и виртуального взаимодействия. Так, с одной стороны, отмечается, что, несмотря на предоставляемые человеку максимально широкие возможности выбора партнера по коммуникации, доминирующей функцией социальных сетей оказывается общение со своими друзьями и близкими, поддержание уже существующих межличностных отношений, а не установление новых, что влечет за собой ретрансляцию в виртуальность установившихся в реальности правил и норм [Baum et al., 2004]. С другой стороны, существуют данные о том, что нормы и ценности сетевого и реального взаимодействия различны, и при этом их различия рефлексированы пользователем – во всяком случае, подросткового возраста, то есть принадлежащим к «цифровому поколению». Так, в недавнем исследовании [Войскунский и др., 2014] эмпирически показано наличие отчетливо выраженного у старших школьников функционального разделения между этическим поведением в Сети и этическим поведением в реальности: оба вида поведения не только опираются на различные стандарты морали, но и выполняют различные личностные функции.

В заключение отметим, что, как представляется, на настоящий момент нет и не может быть однозначного объяснения подобной противоречивости эмпирических данных относительно возможных регуляторов социального поведения в сетевых коммуникациях. Является ли она следствием быстрых технологических изменений самой виртуальной реальности или же отражает общекультурный тренд нарастающей дестандартизации моделей жизненного пути и, соответственно, социального взаимодействия – остается открытым вопросом.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

Литература

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология, 2010, №. 1, 3–21.

Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве. Психологические исследования, 2016, 9(46), 8. <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации. Воронеж: МОДЭК, 2013а.

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. Психологические исследования, 2013, 6(30), 5b. <http://psystudy.ru>

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.

Войскунский А.Е. Перспективы становления психологии Интернета. Психологический журнал, 2013, 34(3), 110–118.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Этическая направленность подростков и молодежи в социальных сетях. Психологические исследования, 2014, 7(37), 2. <http://psystudy.ru>

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Дубовская Е.М. Транзитивность общества как фактор социализации личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 7. <http://psystudy.ru>

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Князева Е.И. Сетевая теория в современной социологии. Социология, 2006, No. 2, 82–88.

Лем С. Сумма технологии. М.: Мир, 1968.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. Психологические исследования, 2012, 5(26), 7. <http://psystudy.ru>

Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие для студентов психологических специальностей. М.: Акрополь, 2015.

Свешникова Е.Н. Адаптация в виртуальной среде как фактор творческой реализации у подростков. Психологические исследования, 2016, 9(45), 4. <http://psystudy.ru>

Сибирко А.И., Винокуров Ф.Н. Роль мобильных социальных сетей в межличностном общении молодежи. Психологические исследования, 2016, 9(47), 5. <http://psystudy.ru>

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. 2007. <http://www.iso27000.ru/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta-rf/strategiya-razvitiya-informacionnogo-obshchestva-v-rossiiskoi-federacii>

Сулер Дж. Эффект растормаживания в Сети. Киберпсихология, 2012. <http://ru-cyberpsy.blogspot.ru/2012/08/blog-post.html>

Тоффлер Э. Шок будущего: М.: АСТ, 2002.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Baym N.K., Zhang Y.B., Lin M.-C. Social interactions across media: interpersonal communication on the Internet, telephone and face-to-face. *New Media and Society*, 2004, 6(3), 299–318.

Boyd D., Ellison N. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2007, 13(1), 210–230.

Castells M. *The Rise of the Network Society. Information Age. 2nd Edition with a New Preface edition.* Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. Vol. 1.

Hall W. The ever evolving Web: The power of networks. *International journal of communication*, 2011, No. 5, 651–664.

Postmes T. Social influence in computer-mediated communication: the effects of anonymity on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001, 27(10), 1243–1254.

Schroeder R., Ling R. Durkheim and Weber on the social implications of new information and communication technologies. *New Media and Society*, 2014, 16(5), 789–805.

Поступила в редакцию 11 мая 2016 г. Дата публикации: 15 августа 2016 г.

Сведения об авторах

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005 Москва, Россия.
E-mail: elena_belinskaya@list.ru

Вознесенская Виктория Станиславовна. Аспирант, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: vicki-07@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия. *Психологические исследования*, 2016, 9(48), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Белинская Е.П., Вознесенская В.С. Проблема регуляции социального поведения в теориях информационного общества и реальность сетевого взаимодействия // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 48. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1307-belinskaya48.html>

[К началу страницы >>](#)